

Междисциплинарная интеграция публичного права: проблемы и решения

УДК 327.8

Ольга Фредовна Русакова
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: rusakova_mail@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6920-2549
SPIN-код: 3392-5157

Политики впечатлений: опыт структурного дискурс-анализа

Аннотация. Политика впечатлений – относительно новое понятие в современной политической науке, хотя его идейные истоки можно обнаружить еще в работах Платона и Макиавелли. Нами разработано определение дискурса политики впечатлений, под которым понимается система способов конструирования, интерпретации и продвижения образов (картин) политической действительности, которая направлена на формирование в массовом сознании эмоционально-чувственных представлений о явлениях политической жизни, заданных определенными коммуникативными установками. Раскрывается тесная взаимосвязь политики впечатлений с политикой постправды и постжурналистикой. Проводится структурный анализ дискурса политики впечатлений на примерах таких политических перформансов, как церемония открытия Олимпиады-2024 в Париже и выступление президента Д. Трампа в Конгрессе США 5 марта 2025 года. В основу исследования положена авторская модель структурного дискурс-анализа публичных коммуникаций, согласно которой дискурс политики впечатлений может быть представлен посредством выделения следующих его планов: 1) интенциональный, или сценарный

план (коммуникационный проект); 2) актуальный, или перформативный план (способы реализации коммуникативного проекта); 3) ценностный план (система транслируемых и внушаемых ценностей); 4) контекстуальный план (извлечение новых смыслов перформанса посредством его погружения в разного рода контексты); 5) психологический план (анализ манипулятивных приемов для усиления эмоционального заражения публики); 6) «осадачный» план (отклики разнообразных источников на представляемое шоу-событие). Отмечается, что все структурные планы дискурса политики впечатлений представляют собой целостную, синергетически взаимосвязанную систему компонентов. Сравнительный анализ дискурсов церемонии открытия Олимпийских Игр 2024 года в Париже и публичного выступления Д. Трампа в Конгрессе США в марте 2025 года, согласно автору, показывает, что в современной мировой политической практике назревают ценностные трансформации, связанные с пересмотром базовых идеологических ориентиров стран Запада в области политики культуры, образования, спорта.

Ключевые слова: политика впечатлений; структурный дискурс-анализ; церемония открытия Олимпиады-2024; обращение президента США к Конгрессу; сценарный замысел; ценностная ориентация; квир-культура; гендерное разнообразие; идеология воукизма

Идейные истоки понятия «политика впечатлений».

Впервые о политике впечатлений как о самостоятельной научной категории российские политологи заговорили в 2024 г., связав ее с особенностями современной информационно-коммуникативной революции, когда производство и распределение впечатлений превратилось в более популярное и прибыльное дело, чем производство и распределение материальных благ¹.

Вместе с тем, на наш взгляд, идейные корни понятия «политика впечатлений» можно обнаружить еще в работах Платона и Макиавелли. Так, согласно Платону, чувственное, а именно визуальное восприятие мира посредством создания его зрительных образов является весьма достойным занятием, имеющим не меньшее значение, чем сугубо умственная позна-

¹ Лукьянов Ф. Политика впечатлений, 14.08.2024. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/politika-vpechatlenij/?ysclid=mb6alc0p8y400888210> (дата обращения: 19.03.2025).

вательная деятельность. «В процессе познания, – считает один из исследователей философского наследия древнегреческого мыслителя, – зримый мир Платон наделяет значением, выходящим за рамки простого ощущения, непосредственно связывая его с миром умообразным. Статус визуальной составляющей платоновского учения указывает на необходимость его целостного понимания, без абстрактного деления на мир вещей и мир идей...» (Трушина 2018: 29).

В известном политическом трактате эпохи Возрождения «Государь» его автор, Н. Макиавелли, рассуждает о том, какие именно чувства или впечатления важнее всего возбуждать правителю в сознании собственных подданных, чтобы успешно ими управлять: любовь или страх? Давая собственный ответ на данный вопрос, Макиавелли отмечает: «Я нахожу, что желательнее было бы, чтобы государи достигли одновременно и того и другого, но так как осуществить это трудно и государям обыкновенно приходится выбирать, то... замечу, что полезнее держать подданных в страхе» (Макиавелли 1990: 70). В этих словах о выборе приоритетных впечатлений, которые правителю следует возбуждать в сознании народа, отчетливо виден прагматический стиль политической мысли Макиавелли.

Проблема изучения механизмов и инструментов формирования определенных впечатлений о деятельности конкретных людей или государственных институтов власти постоянно оказывалась в центре внимания мыслителей всех последующих эпох. Так, к примеру, в известной работе М. Монтеня «Опыты», в разделе «О том, что наше восприятие блага и зла в значительной мере зависит от представления, которое мы имеем о них», автором указывается на ценностное (стоимостное) измерение нравственных чувств и доблестей, наличие которых порождает в обществе эффект одобрения. В качестве такого измерительного инструмента Монтень называет трудности, которые приходится преодолевать человеку на пути к обретению добродетельности и благочестия: «Мы не принимаем в расчет ни их качества, ни степени их полезности; для нас важно лишь то, чего нам стоило добыть их, словно это есть самое основное в их сущности: и ценностью их мы называем не то, что они в состоянии нам доставить, но то, какой ценой мы себе их достали... Если вещь добыта нами с трудом, она стоит в наших глазах столько,

сколько стоит затраченный нами труд. Мнение, составленное нами о вещи, никогда не допустит, чтобы она имела несоразмерную цену. Алмазу придает достоинство спрос, добродетели – трудность блюсти ее, благочестию – претерпеваемые лишения...» (Монтень 1979: 60).

Одной из характерных черт философско-политической мысли эпохи модерна (от Р. Декарта и мыслителей Французского Просвещения до классической немецкой философии) является *противопоставление рационального (абстрактно-логического) способа постижения реальности, рассматриваемого в качестве высшей формы эпистемологического мышления, его эмоционально-чувственным формам, к которым относятся впечатления и которые, согласно представителям данной эпохи, выполняют второстепенную роль в процессе мироосмысления*. В это время широкое распространение получает классический тип мышления, главными отличительными чертами которого являются: *монизм, логоцентризм или иерархизм, телеологизм* (представление о существовании некоего исходного сценария развития мира), *рациоцентризм и сциентизм* (Русакова 2012: 92-103).

На рубеже XIX–XX вв. на смену эпохи модерна приходит эпоха постмодерна, которая опровергает большинство принципов классического типа мышления, стирает грани между эмоционально-чувственными и рационалистическими способами постижения мира. На смену принципам монизма и логоцентризма приходят принципы плюрализма и ризомы. Рациоцентризм и сциентизм подвергаются критике и вытесняются образно-чувственными форматами, позволяющими осмысливать уже под новым углом зрения траектории развития объективного мира и ценности человеческого бытия.

Исходной точкой наступления эпохи постмодерна считается критическая философия Ф. Ницше, для учения которого главным понятием была «воля к жизни» (Хабермас 2003: 57-67). Представители постмодернизма ввели в арсенал гуманитарных наук новые категории и методы исследований, к примеру, такие как структурный психоанализ, «бессознательное», «имаго», «травма» («Парижская школа фрейдизма», Ж. Лакан и др.), «порядок дискурса», «психика власти» (М. Фуко, Дж. Батлер и др.), «деконструкция» (Ж. Деррида и др.), «шизоанализ» (Ж. Делез,

Ф. Гваттари), «интертекстуальность» (Ю. Кристева и др.), «симулякр», «символический обмен», «соблазн» (Ж. Бодрийяр и др.), «нарратология», «большие наррации» (Ж-Ф. Лиотар, Ф. Анкерсмит и др.), что привело в итоге к дискурсивно-семиотическому повороту в гуманитарных науках, а также к пристальному вниманию исследователей к плюральным, синтетическим формам постижения действительности. Идеалом философского стиля мышления в постмодерне становится полицентризм, который не признает приоритета рациональных форм постижения мира над эмоционально-образными его формами, считая их равноценными и равнозначными. Отметим, что и поднимаемый нами вопрос о структуре дискурса политики впечатлений тоже непосредственно связан с вышеотмеченными особенностями постмодернистского типа мышления.

Наряду с постмодернистской парадигмой в качестве важного методологического источника понятия «политика впечатлений» следует назвать еще одну парадигму, а именно – *перформативную*, – внедрение которой в современное гуманитарное знание способно внести существенный вклад в структурный анализ политики впечатлений.

Перформативный подход связан с широким применением к изучаемым объектам познания системы таких понятий, как *игра, спектакль, карнавал, постановка, сценарий, драматургия* и т.п. Для сторонников данного подхода жизнь всего общества, включая капиталистическую фазу развития, – это большой разыгрываемый спектакль или карнавальное представление. Согласно перформативному подходу, в процессе разворачивания перформанса осуществляется взаимодействие его основных участников или акторов, *производящих определенные впечатления на публику, следствием чего выступают те или иные трансформации в ее сознании и поведении.*

Аналізу основных свойств и черт перформанса посвящены многие работы, главным образом, зарубежных авторов (Хейзинга 1992; Oswick et al. 2001; Schechner, Brady 2002; Schulze 2005; Jenkins 2007 и др.). Понятие «впечатление» обрело свой глобальный общественный контекст и смысл именно в рамках перформативных исследований. Для сторонников перформативного подхода вся жизнь общества в целом, включая его капиталистическую стадию, – это большой разыгрываемый

спектакль или карнавальное представление (Goffman 1959; Дебор 2000; Воје 2001; Schulze 2005; Пайн, Гилмор 2005 и др.), основная цель которого состоит в производстве впечатлений и в управлении ими. «Впечатляй и властвуй!» – таков девиз данного общества.

Согласно Гоффману, производство впечатлений может быть определено как деятельность по оказанию влияния одних участников разворачиваемого драматургического акта на других его участников (Goffman 1959: 15-16). Автор также отмечает: «Драматургическая перспектива предлагает описание приемов управления впечатлениями, выработанных в данном социальном образовании, основных проблем управления впечатлениями в нем, критериев идентификации отдельных исполнительских команд, действующих в пределах такого образования и взаимоотношений между ними» (цит по: Вахштайн 2003: 105).

О преобразующей силе впечатлений, способных оказывать сильное эмоциональное воздействие на публику, говорится в работе Э. Фишер-Лихте «Эстетика перформативности» (Фишер-Лихте 2015: 13). Наблюдая за современными театральными практиками, Фишер-Лихте приходит к выводу о том, что перформанс как система управления впечатлениями обладает «могущественной трансформирующей силой», а потому выступает важным конституирующим фактором культуры (Фишер-Лихте 2015: 13).

Перформативный подход позволяет представить политику впечатлений в виде заранее срежиссированного и отрепетированного политического спектакля, где общественный деятель выступает перед публикой в различных амплуа, дабы произвести на нее положительное впечатление, вызывая при этом чувство доверия. Наличие игрового момента в политике впечатлений выступает одним из ее атрибутивных компонентов. Так, к примеру, в работе «Перформативные исследования: Введение» (“Performance Studies: an Introduction”), опубликованной в 2002 г. под редакцией известного американского теоретика перформанса Ричарда Шехнера (Richard Schechner) и медиа-редактора Сары Бреди (Sara Brady), его авторы отмечают: «Общественные деятели часто притворяются, что хотят, чтобы зрители восприняли их выступления “по-настоящему”».

Когда американский президент выступает на совместной сессии Конгресса или делает важное заявление национальной важности, его появление тщательно инсценируется, чтобы он мог публично продемонстрировать свои полномочия. Выступая перед Конгрессом, президент стоит позади вице-президента и спикера Палаты представителей, а большой американский флаг создает соответствующий патриотический фон... В других случаях национальный лидер может пожелать предстать в роли друга или доброго соседа, неформально беседующего с «согражданами» (Schechner, Brady 2002: 43). В этом фрагменте подчеркивается искусственный характер производства политического перформанса и тех впечатлений, возникающих у публики, которые планируются произвести посредством заданного стратегического плана.

Дискурс политики впечатлений как предмет специального изучения в российской политической науке. В российской политической мысли дискурс политики впечатлений стал специальным предметом теоретического рассмотрения относительно недавно, первоначально существуя в слабо артикулированном формате в рамках таких предметных областей, как политический PR-дискурс и дискурс шоу-политики (Русакова 2009; Русакова, Русаков 2011). Следует также подчеркнуть, что базовые черты дискурса политики впечатлений в значительной степени совпадают с атрибутивными свойствами дискурса шоу-политики, к которым мы относим: зрелищность и иллюзионистичность; интерактивность; презентационность; развлекательность; манипулятивность; театрализованность; карнавальность; гедонистичность; звездность (Русакова, Русаков 2011: 172).

Однако впервые вопрос об изучении политики впечатлений в качестве самостоятельной категории политической науки был поставлен в России на повестку дня только в 2024 г., и сделано это было главным редактором журнала «Россия в глобальной политике», директором по научной работе Международного дискуссионного клуба «Валдай», автором редакционной колонки «Российской газеты» Федором Лукьяновым. С его точки зрения, в современную эпоху именно процесс производства впечатлений превращается в самый прибыльный род деятельности. При этом «картина событий не просто отрывается от самих

событий, но становится важнее их». Создание такой картины самоценно само по себе, поскольку «она должна постоянно затрагивать эмоции публики»². Согласно Лукьянову, «политика впечатлений» охватывает разные сферы – от противостояния на поле боя до избирательных кампаний и дипломатического взаимодействия... когда главное – поддержание саспенса»³. В другой резонансной статье, написанной также в 2024 г., политика впечатлений трактуется как деятельность, направленная на создание и поддержку в сознании публики эмоционального образа постреальности как искусственного виртуального образования, достигаемого посредством применения манипулятивных технологий постправды (Дмитриев, Евстафьев 2024).

Обращение российских авторов в процессе изучения понятия политики впечатлений к такой категории, как *постправда* далеко не случайно. Дело в том, что обе категории связывает их внутреннее смысловое родство, для выявления которого обратимся к существующим трактовкам понятия постправды, получившим довольно глубокую теоретическую разработку как в зарубежных, так и в отечественных научных исследованиях (Linch 2017; McIntyre 2018; Фуллер 2021; Чугров 2017; Лукьянова 2017; Баранов 2018; Рустамова, Барабаш 2018; Кошкарова, Руженцева 2019; Русакова, Русаков 2019; Грачев, Евстифеев 2020; Чумиков 2024 и др.)⁴. Их анализ показал, что одни авторы трактуют постправду как *разрушение правды* (Грачев, Евстифеев 2020), другие – как *продукт постмодернистской идеологии и особый способ борьбы за власть* (McInder 2018; Фуллер 2021), а некоторые – как *правду желаемого* (Дмитриев, Евстафьев 2024). Однако, несмотря на некоторые разночтения в интерпретации постправды, большинство авторов указывает на такую особенность её дискурса, как доминирование эмоционально-чувственного начала над рационально-логическими его компонентами. Иначе

² Лукьянов Ф. Мир без смыслов. URL: <https://rg.ru/articles/smysly/?ysclid=madm8h2hv9102883611> (дата обращения: 19.03.2025).

³ Там же.

⁴ См. также: Красовская Н. Почему фейковые новости опасны: Жизнь в эпоху постправды, 12.02.2020. URL: https://www.pravda.ru/science/1473851-feik_seti/ (дата обращения: 11.09.2024).

говоря, дискурс постправды построен на принципе: *впечатление важнее логики* (Русакова, Русаков 2019: 13). В итоге в конкуренции политических дискурсов, ответственных за конструирование той или иной картины мира, побеждает вовсе не тот дискурс, который ближе других подошел к правдивой ее интерпретации, а тот, у кого оказалось больше медиаресурсов, способных влиять на сознание публики путем производства ярких и сильных впечатлений.

В последние годы в западных СМИ стали особенно широко использоваться медиатехнологии, нацеленные главным образом на производство постправды, что позволяет им вполне успешно формировать у массовой аудитории ложные представления о текущей политической жизни, в частности, о политическом курсе современной России, разжигать чувство русофобии у граждан западных государств. Это закономерно приводит к росту настроений враждебности по отношению к Российской Федерации, к поддержке населением политики дискриминации всего русского – культуры, спорта, образования и др. В этих условиях формируется благоприятная почва для распространения искусственно созданных обвинений России в, якобы, многочисленных ее вмешательствах в систему выборов других стран, в осуществлении разнообразных провокаций и террористических актов. Так, в западных СМИ активно применяются такие устойчивые мемы и нарративы, как «во всем виновата Россия», «цивилизованный мир против агрессивной России», «Путину нельзя доверять» и т.п. Таким образом дискурс постправды получает свое прибежище в дискурсе политики впечатлений, формируемом западными СМИ.

Кроме дискурса постправды можно назвать еще одну форму дискурса, обладающую рядом общих черт с дискурсом политики впечатлений. Это – *дискурс постжурналистики*. В отечественных работах, посвященных особенностям данного дискурса, выделяются следующие черты и признаки, делающие его отличным от дискурса традиционной журналистики. К таковым относятся: 1) апелляция в первую очередь к чувствам и эмоциям целевой аудитории, в результате чего происходит запечатление в сознании публики медийных образов и транслируемых смыслов, имеющих мало общего с реальной действительностью; 2) преимущественная нацеленность на передачу

адресату конкретной политической информации посредством видео и музыкальных клипов, визуальных образов и иллюстраций. Это приводит к формированию клипового типа мышления и клипового восприятия реальности, что существенно затрудняет потребление публикой сложных смысловых образов, запечатление которых в массовом сознании требует значительных и продолжительных усилий; 3) гедонизация медиа-контента, связанная с гипертрофированным увеличением доли развлекательного контента; 4) геймификация журналистской деятельности, которая все активнее стала включать в свои реальные практики технологии игр и информационных поединков; 5) производство фэйковой (ложной) информации и фэйковых новостей в целях введения публики в заблуждение, компрометации политического противника и извлечения посредством этого определенных политических дивидендов (Короченский 2019; Дзялошинский 2023 и др.).

В современных условиях информационной войны в мире существует значительное число политических фондов и медиа-центров, чья основная деятельность направлена на производство и продвижение продуктов постжурналистики, связанных с конструированием и распространением фэйковых новостей. К примеру, на Украине таковым выступает благотворительный фонд SafeUA, возникший в самом начале проводимой Россией на территории Украины Специальной военной операции (СВО). Фонд специализируется на создании особого рода фэйкового медиа-контента с целью выработки у адресной аудитории устойчивого представления о преступном и крайне агрессивном характере военно-политической практики России, связанной с нарушением норм международного права⁵.

Таким образом, существует прочная внутренняя связь между дискурсами постправды, постжурналистики и дискурсом политики впечатлений. Их главным связующим звеном выступает опора на технологии усиления эмоционального эффекта от передаваемой информации, связанной с процессами реформативного массового сознания.

⁵ SafeUA – главная информация, 26.02.2022. URL: <https://telegra.ph/SafeUA---glavnaya-informaciya-02-26?ysclid=m8df42jgro747401036> (дата обращения: 19.03.2025).

С учетом сказанного считаем возможным дать собственное определение понятию «*дискурс политики впечатлений*». С нашей точки зрения, его можно трактовать как систему перформативных актов, направленную на формирование у публики эмоционально окрашенных и запоминающихся образов реальности, сконструированных посредством как применения медиатехнологий постправды и постжурналистики, так и ряда других, политически более нейтральных инструментов (PR-инструменты, инструменты шоу-политики), с помощью которых осуществляются когнитивные преобразования в сознании адресной аудитории, соответствующие основным целевым установкам задуманного коммуникативного сценария. Иначе говоря, дискурс политики впечатлений присутствует во всех исторических, социокультурных и политических перформансах, когда-либо происходящих в мировой политической практике, включая войны, революции, политические движения, избирательные кампании, партийные съезды и т.п., которые охватываются таким емким понятием как «политический спектакль». В то же время структурный анализ данных «спектаклей», рассматриваемый с позиции коммуникативной парадигмы, насколько нам известно, специально еще не проводился. В этой связи нами предлагается собственная модель структурного дискурс-анализа политики впечатлений, где в качестве примеров рассматриваются церемония открытия Олимпиады-2024 в Париже и выступление президента Д. Трампа в Конгрессе США 5 марта 2025 г.

Структурный дискурс-анализ политики впечатлений на примерах церемонии открытия Олимпиады 2024 и Обращения Президента Д. Трампа к Конгрессу США (05.03.2025). Дискурс политики впечатлений структурно состоит из ряда основных компонентов или планов. В разработанной нами структурной модели данного дискурса обозначены следующие ее планы: 1) интенциональный план; 2) актуальный или перформативный план; 3) ценностный план; 4) психологический план; 5) контекстуальный план; 6) «осадочный» план дискурса политики впечатлений (Русакова, Русаков 2011: 113-169).

Под *интенциональным планом* нами подразумеваются: 1) выработка общей концепции политического шоу или спектакля, его основных коммуникативных стратегий; 2) сценарный

план протекания политического шоу с разбивкой на конкретные эпизоды, сцены и действия; 3) разработка планов ресурсного обеспечения шоу (финансовый, организационно-административный, кадровый и др.); 4) моделирование возможных барьеров коммуникации и провокаторов общения (Русакова, Русаков 2011: 113-118); 5) разработка способов и технологий вовлечения в игровое пространство шоу представителей публики.

Актуальный или перформативный план дискурса политики впечатлений включает следующие его обязательные элементы, связанные с решением стратегических и иных заранее поставленных задач политического шоу: 1) яркий и запоминающийся зачин, предполагающий быстрое овладение вниманием аудитории; 2) использование разнообразных и необычных приемов коммуникации (лексических, визуальных, музыкальных и др.) с целью вызова у публики живого интереса к разыгрываемому представлению (прием шокирующих фактов и статистических данных; использование юмора и шуток; прием иллюстративности, связанный с приведением конкретных примеров, а также с «вызовом на ковер» непосредственных участников и свидетелей тех или иных политических акций (ивентов).

Ценностный план дискурса политики впечатлений предполагает включение в процесс реализации шоу механизмов внушения публике определенных базовых идей и ценностных ориентаций. При этом используются приемы и технологии пропаганды, обольщения, устрашения и суггестии.

Психологический план дискурса политики впечатлений связан с трансляцией эмоционально заряженных сцен и образов разыгрываемого спектакля, что предполагает производство эмоционально-чувственного эффекта в сознании публики, определенных его трансформаций.

Контекстуальный план дискурса политики впечатлений содержит в качестве своих структурных компонентов контексты следующего характера: 1) хромотопный контекст (влияние пространственно-временных форм выбора места и времени для мероприятия на особенности его протекания); 2) историко-культурный контекст, представленный символическим образами значимых событий и персонажей из прошлой истории и культурной жизни страны; нормативно-правовой контекст

(оценка соблюдения/несоблюдения организаторами перформанса принципов и принятых правил его проведения) и др.

«Осадочный» план дискурса политики впечатлений включает всю систему откликов по поводу транслируемого шоу, в том числе реакцию традиционных и цифровых медиа (Русскова 2018: 239).

Важно отметить, что все названные планы находятся между собой в тесной диффузной взаимосвязи и синергетически подкрепляют друг друга.

Пример 1. Церемонии открытия Олимпиады-2024.

Автором концепции церемонии открытия и ее главным режиссером был *Томас Жолли (Tomas Jolly)*, известный французский театральный режиссер и постановщик, а креативным директором шоу-программ стал *Тьерри Ребуль (Thierry Rebout)*. В шоу открытия приняли участие 3 тысячи артистов, в том числе, более 400 танцоров⁶. По словам Т. Жолли, главная идея церемонии открытия состояла в том, чтобы продемонстрировать базовую роль таких культурно-политических принципов как *инклюзивность и солидарность*⁷, а также в том, чтобы *устроить большую языческую вечеринку*⁸. Акцент сознательно был сделан в пользу демонстрации в ходе перформанса *системы ценностей современной культуры Франции*, в числе которых Жолли обозначил *ценности свободной любви*: «Во Франции мы имеем право любить друг друга, как мы хотим, с кем мы хотим»⁹.

Креативность сценарного плана Жолли состояла еще и в том, что он был первым, кто вывел церемонию открытия

⁶ Церемония открытия летних Олимпийских игр 2024. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Церемония_открытия_летних_Олимпийских_игр_2024 (дата обращения: 19.03.2025).

⁷Художественный руководитель рассказал, в чем заключалась сценарная идея церемонии открытия Олимпиады-2024, 27.07.2025. URL: https://matchtv.ru/olimpijskije_igry/paris2024/matchtvnews_NI2085339_Hudozhestvennyj_rukovoditel_rasskazal_v_chem_zakluchalas_scenarnaja_ideja_ceremonii_otkrytija_Olimpiady2024 (дата обращения: 19.03.2025).

⁸Там же.

⁹«Во Франции мы имеем право любить друг друга, как мы хотим, с кем мы хотим...». Режиссер открытия ОИ 2024 Томас Джоли извинился за свое шоу. URL: <https://dzen.ru/video/watch/66a7651da2744429a6c6b62?ysclid=majj76gq1r977849227> (дата обращения: 19.03.2025).

за пределы олимпийского стадиона, превратив центр Парижа, а также его главную водную артерию – реку Сену вместе с ее мостами и набережными – в основную сценическую площадку, на которой развернулось праздничное действо. «Церемония открытия никогда не проводилась за пределами стадиона. Модели нет, это абсолютное творение», – сказал Жолли¹⁰.

Другой важной новацией Жолли было то, что вместо презентационного шествия по стадиону спортивные сборные каждой страны были представлены плывущими на отдельных кораблях по Сене. Таким образом они получили возможность не только продемонстрировать публике собственную спортивную атрибутику и национально-государственную символику, но и познакомиться с культурными достопримечательностями Парижа, проплывая мимо самых известных архитектурных памятников, включая Нотр-Дам и Эйфелеву башню¹¹.

Далее остановимся кратко на самом скандальном эпизоде церемонии открытия Парижской Олимпиады, вызвавшем у большей части публики крайне негативную реакцию. Речь идет о так называемой квир-пародии¹² на известную картину Леонардо да Винчи «Тайная вечеря (Русакова 2025: 115). Дадим в нескольких словах ее описание. В центре представленной композиции на месте Христа оказалась бодипозитивная дама, одетая в синее платье с глубоким декольте. На ее голове – металлический кокошник с исходящими из него семью лучами, на ушах – крупные наушники. Даму изображала одна из активисток движения в поддержку гендерного разнообразия Барбара Бутч¹³. В роли «учеников Христа» выступали танцоры дрэг-квины. Когда на сцену был вынесен огромный поднос, то при открытии его куполообразной крышки оказалось, что внутри,

¹⁰ Там же.

¹¹ Демидова А. Открытие летней Олимпиады 2024 в Париже: детали церемонии. URL: <https://event.ru/reports/otkrytie-letney-olimpiadyi-2024-v-parizhe-detali-tseremonii/> (дата обращения: 19.03.2025).

¹² Движение ЛГБТ признано экстремистской организацией решением Верховного Суда РФ от 30 ноября 2023 г.

¹³ Франция. Барбара Бутч, которая изобразила... 28.07.2025. URL: https://vk.com/wall-78967614_918812?ysclid=maqaeaj7gfp476287712 (дата обращения: 19.03.2025).

свернувшись калачиком, лежит мужчина, с ног до головы выкрашенный синей краской. По замыслу организаторов шоу, он воплощал собой греческого бога Диониса, чей образ был призван демонстрировать абсурдность насилия между людьми (роль Диониса сыграл французский актер и певец Филипп Катерин)¹⁴.

Значительная часть зрителей в данном эпизоде усмотрела насмешку над символами христианской веры¹⁵. Известный предприниматель Илон Маск в своем аккаунте написал: «Это было проявлением вопиющего неуважения к христианам»¹⁶. Спустя неделю после открытия Олимпиады Ватикан сделал следующее официальное заявление папского престола по поводу пародии на «Тайную Вечерю»: «Святой престол был опечален определенными сценами на церемонии открытия Олимпийских игр в Париже и не может не присоединиться к голосам, прозвучавшим в последние дни, чтобы выразить сожаление по поводу оскорбления, нанесенного многим христианам и верующим других религий»¹⁷. В итоге членам оргкомитета Олимпиады пришлось извиняться за данный эксцесс. Директор по коммуникациям Оргкомитета Олимпиады в Париже Анн Дескамп принесла извинения людям, чьи чувства были задеты: «Не было никакого намерения продемонстрировать неуважение к какой-либо религиозной группе. Напротив, я думаю, что Тома Жолли хотел отпраздновать толерантность общества. Это были его слова, и,

¹⁴ Донлеви К. Дрэг-пародия на «Тайную вечерю» на церемонии открытия Олимпиады в Париже подверглась критике (New York Post, США), 27.07.2024. URL: <https://inosmi.ru/20240727/parodiya-269651499.html> (дата обращения: 19.03.2025).

¹⁵ Макарычев М. Пародия на «Тайную вечерю» на открытии Олимпиады вызвала гнев в мире, 27.07.2025 // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/07/27/parodiia-na-tajnuui-vecheriu-na-otkrytii-olimpiady-vyzvala-gnev-v-mire.html?ysclid=majos229h201385239> (дата обращения: 19.03.2025).

¹⁶ «Вопиющее неуважение». Маск резко высказался об Олимпийских играх, 27.07.2024 // РИА Новости Спорт. URL: <https://rsport.ria.ru/20240727/mask-1962332221.html?ysclid=majp7joitq668262565> (дата обращения: 19.03.2025).

¹⁷ Ватикан назвал оскорбительной пародию на «Тайную вечерю» на открытии Олимпиады, 04.08.2024. URL: <https://dzen.ru/a/Zq9kMxJirVneWqwu?ysclid=majpqu6p8z710592043> (дата обращения: 19.03.2025).

судя по цифрам аудитории, эта цель была достигнута. Если кого-то это оскорбило, нам, конечно, очень жаль»¹⁸.

Пример 2. Обращение Президента Д. Трампа к Конгрессу США (05.03.2025). Основным медиа-источником дискурс-анализа данного кейса для нас стала Полная стенограмма речи президента Д.Трампа в Конгрессе США от 5 марта 2025 г.¹⁹

Рассматривая интенциональный план публичного выступления Д. Трампа, отметим фрагменты, где он говорит о главной политической стратегии своего пребывания в должности 47-го президента США: «Полтора месяца назад, стоя под куполом Капитолия, я провозгласил рассвет Золотого века Америки... Сегодня вечером я вернулся в этот зал, чтобы сообщить, что Америка вернула свой порыв. Мы вернули себе наш дух... И американская мечта крепнет... и наша страна стоит на грани возвращения, равного которому мир прежде не видел, и, возможно, никогда больше не увидит»²⁰.

Обращаясь к содержанию *перформативного плана* выступления Трампа, выделим такую черту, как активное *использование приема шокирующей информации и статистики*. Например, говоря об огромных расходах федеральных средств на весьма сомнительные проекты во время президентства Джо Байдена, Трамп приводит следующие данные: «45 миллионов долларов на стипендии по вопросам многообразия, равенства и инклюзивности в Бирме. 40 миллионов долларов на улучшение социальной и экономической интеграции малоподвижных мигрантов... 8 миллионов долларов на выведение трансгендерных мышей – это не шутка... 10 миллионов долларов на мужское обрезание в Мозамбике, 20 миллионов на арабскую “Улицу Сезам” на Ближнем Востоке»²¹.

¹⁸ Организаторы извинились за пародию на «Тайную вечерю» на открытии Игр, 28.07.2024. URL: <https://www.rbc.ru/sport/28/07/2024/66a619979a79472f237cd055> (дата обращения: 19.03.2025).

¹⁹ Полная стенограмма речи президента Трампа в Конгрессе (The New York Times, США), 05.03.2025. URL: <https://inosmi.ru/20250305/tramp-272082349.html?ysclid=map622xgh2776189816> (дата обращения: 19.03.2025).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

При раскрытии мошенничества со стороны ответственных структур, занимающихся социальным обеспечением американских пенсионеров, Трамп снова приводит шокирующие публике примеры из официальных документов: «Людям выплачивается куча денег: 1 039 человек в возрасте от 220 до 229 лет. Один человек в возрастной колонке от 240 до 249 лет. И еще один рекордсмен, кому уже за 360. На целый век старше нашей страны, даже больше»²².

Другой характерный прием, к которому часто прибегает Трамп для подкрепления правоты собственных суждений, – прием *вызова непосредственных участников событий*. Так, например, обращая внимание публики на важность решения проблемы борьбы с въехавшими в страну иностранными криминальными группировками, Трамп «вызывает на ковер» одного из героев данной борьбы – агента пограничного патруля Роберто Ортиса, которому воздает свои похвалы: «Сегодня вечером с нами воин на передовой этой битвы. Агент пограничного патруля Роберто Ортис. Крутой парень. В январе Роберто с другим агентом патрулировали Рио-Гранде около района, известного как Остров Картеля — звучит не слишком мило, как по мне. Когда вооруженные до зубов люди начали в них стрелять, Роберто увидел, что его напарник в большой опасности, и он бросился в бой, отстреливаясь и подарив своему коллеге решающие секунды, чтобы спастись — он был на волоске от смерти... Агент Ортис, мы приветствуем вас за ваше великое мужество на линии огня, которую вы удержали, и за храбрость, которую проявили»²³.

К *ценностному плану* структурного анализа выступления Трампа можно отнести его *критику идеологии воукизма*, пропагандирующей ценности инклюзивности, многообразия и равенства полов, получившие широкое распространение в американской культуре, армии и спорте²⁴. Трамп провозглашает войну данной идеологии: «Наша страна очистилась

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ *Воукизм* – американский политический термин, образованный от английского глагола *wake* – «проснуться»), обозначает повышенное внимание к вопросам, касающимся социальной, расовой и половой справедливости.

от идеологии “воукизма”. Мы убеждены, что кем бы вы ни были: врачом, бухгалтером, юристом или авиадиспетчером, – вас должны брать на работу и продвигать по службе на основе знаний и умений, а не расы или пола»²⁵. Далее он указывает на собственные законодательные инициативы, направленные против институциональных рассадников воукизма: «Мы удалили отраву критической расовой теории из наших государственных школ, и я подписал указ, по которому официальная политика правительства США заключается в следующем: есть лишь два пола – мужской и женский. А еще я подписал запрет мужчинам соревноваться в женских видах спорта... Теперь я хочу, чтобы Конгресс принял законопроект, который навсегда запретит и криминализирует смену пола у детей и навсегда положит конец лжи о том, что любой ребенок заперт в неправильном теле»²⁶.

Анализ *психологического плана* дискурса политики впечатлений, получившего реализацию в перформансе выступления Трампа, показывает тщательную продуманность организаторами шоу показа сцен, производящих в сознании публики эффекты сочувствия и поддержки реальных людей, которым удалось продемонстрировать крепость своего духа и верность основной мечте, несмотря на преследующие их трудности. Именно на такой психологический отклик рассчитывает Трамп, когда в качестве примера приводит историю 13-летнего ДиДжея, у которого была диагностирована смертельная болезнь и который ей мужественно сопротивлялся, поскольку постоянно шел к своей заветной мечте – стать агентом секретной службы США: «Сегодня вечером к нам присоединится молодой человек, который по-настоящему любит нашу полицию. Его зовут ДиДжей Дэниел, ему 13 лет, и он всегда мечтал стать полицейским. Но в 2018 году у ДиДжея диагностировали рак мозга. Врачи давали ему максимум пять месяцев. Это было более шести лет назад. С того момента ДиДжей и его отец искали способ осуществить его мечту, и ДиДжей принял присягу в качестве почетного сотрудника правоохранительных органов, и это случилось несколько раз. Полиция любит этого парня. Полицейские депар-

²⁵ Полная стенограмма речи президента Трампа в Конгрессе.

²⁶ Там же.

таменты любят его. И сегодня вечером, ДиДжей, мы собираемся оказать тебе самую большую честь. Я прошу нашего нового директора Секретной службы Шона Каррена официально сделать тебя агентом Секретной службы Соединенных Штатов»²⁷. После этого многие участники шоу дружно скандируют имя главного виновника данного представления.

Переходя к рассмотрению *контекстуального плана* выступления Трампа, можно отметить, что многие женщины, представляющие в Конгрессе Демократическую партию, были одеты в пиджаки и платья ярко розового цвета, что сразу бросалось в глаза. Именно таким образом женщины-законодатели выразили свой протест против политики Трампа в женском вопросе. В то же самое время и в том же самом зале представители от Республиканской партии регулярно выражали свою полную поддержку Трампу вставаниями с мест и бурными аплодисментами.

«*Осадочный*» план дискурса политики впечатлений, связанной с реакцией на перформанс Трампа, был, в частности, представлен откликами авторитетных зарубежных СМИ, выражающих позицию как сторонников нового президента США, так и его противников. Вот как описывала американская газета *The Guardian* речь Трампа в Конгрессе: «В течение всего вечера Трамп проходил по Джо Байдену, сделав из него свою боксерскую грушу. Он назвал своего предшественника худшим президентом в истории Америки, а его политику – катастрофой. Трамп также отчитал конгрессменов-демократов за отказ встать или аплодировать во время его речи. Он по-прежнему жаждал лести и обожания». Итальянская еженедельная газета *IL Fatto Quotidiano* (*Ежедневный факт*) писала: «Речь Трампа была в целом жесткой и мстительной. Ее главная идея – это возрождение Америки под его руководством»²⁸.

Главный вывод, который можно сделать, опираясь на медиа-отклики по поводу данного выступления Трампа, – это

²⁷ Там же.

²⁸ «Дерзкий Трамп» и «раскол Америки»: западная пресса о речи президента США в конгрессе, 05.03.2025. URL: <https://inosmi.ru/20250305/tramp-272093820.html?ysclid=map5u1b18i154796698> (дата обращения: 19.03.2025).

нарастающий раскол в американском обществе, связанный с противоречивым видением его гражданами дальнейших путей развития страны.

В представленных нами примерах структурного анализа дискурса политики впечатлений раскрываются основные этапы и механизмы его перформативной реализации – от сценарного замысла до эмоциональных эффектов, получаемых в результате воздействия на публику. В ходе рассмотрения обоих перформансов, в особенности, их ценностных компонентов и существующих откликов в медийном пространстве, мы приходим к выводу о том, в сегодняшнем западном мире продолжает существовать конфронтация между глобалистскими (неолиберальными) ценностными ориентациями, опирающимися, к примеру, на принципы гендерного разнообразия, воукизма и т.п., и системой традиционных ценностей, отстаивающей интересы двуполой семьи и защищающей принципы гетерогенности в современных культурных, образовательных, спортивных и иных практиках. Однако в то же время, на наш взгляд, сегодня в мире назревают глубокие трансформации, призванные радикально изменить массовое общественное мнение относительно будущего мейнстримного направления развития системы ценностей. Сеем надеяться, что этот поворот будет совершен в пользу ценностей, продвигаемых сторонниками полицентричного мироустройства, объединяемых идеями уважения и верности по отношению к историческим и современным традициям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баранов Н.А. 2018. Мягкая сила в условиях постправды // Социально-политические исследования. № 1. С. 20–30.

Вахштайн В.С. 2003. Драматургическая теория Ирвина Гофмана: два прочтения // Социологическое обозрение. Т. 3, № 4. С. 104–118.

Грачев М.Н., Евстифеев Р.В. 2020. «Постправда» как проявление «разрушения» правды: новый вектор политико-коммуникационных исследований // Современные СМИ и медиарынок : сб. науч. трудов в честь М.Б. Рогановой / под ред. А.Д. Кривоносова. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ. Вып. 2. С. 28–36.

Дебор Г. 2000. Общество спектакля. Москва : Логос. 184 с.

Дзялошинский И.М. 2023. Журналистика, постжурналистика, паражурналистика: кто формирует контент массмедиа // Между-

народный журнал медиа и коммуникаций в Центральной Азии. № 3. С. 74–100. DOI 10.62499/ijmcc.vi3.39

Дмитриев О.А., Евстафьев Д.Г. 2024. От постправды к постреальности // Россия в глобальной политике. Т. 22, № 4. С. 110–121. DOI 10.31278/1810-6439-2024-22-4-110-121

Короченский А.П. 2019. Постжурналистика: сущность, признаки, социальные эффекты // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. № 1. С. 6–12.

Кошкарова Н.Н., Руженцева Н.Б. 2019. На пути к правде, ведущей ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации // Политическая лингвистика. № 1. С. 50–56. DOI 10.26170/pl19-01-05

Лукьянова Г.В. 2017. Медиатехнологии конструирования постправды // Политика постправды в современном мире : сб. материалов по итогам Всерос. науч.-практ. конф., 22–23 сент. 2017 г. / под ред. О.В. Поповой. Санкт-Петербург : Скифия-принт. С. 132–133.

Макиавелли Н. 1990. Государь. Москва : Планета. 79 с.

Монтень М. 1979. Опыты. В 3 кн. Кн. 1 и 2. 2-е изд. Москва : Наука. 704 с.

Пайн Б.Д. II, Гилмор Д.Х. 2005. Экономика впечатлений : работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. Москва и др. : Вильямс. 299 с.

Русакова О.Ф. 2009. Шоу-политика: особенности дискурса // Социум и власть. № 4. С. 36–39.

Русакова О.Ф. 2012. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург : Издат. дом «Дискурс-Пи». 400 с.

Русакова О.Ф., Русаков В.М. 2011. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : УрО РАН : Издат. дом «Дискурс-Пи». 336 с.

Русакова О.Ф., Русаков В.М. 2019. Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти // Дискурс-Пи. № 2. С. 10–27. DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.1027

Русакова О.Ф. 2025. Структурный дискурс-анализ политики впечатлений на примере церемонии открытия Олимпиады-2024 // Дискурс-Пи. Т. 22, № 1. С. 104–119. DOI 10.17506/18179568_2025_22_1_104

Рустамова Л.Р., Барабаш Б.А. 2018. Информационное воздействие в эпоху «постправды» и «фейк-ньюс» // Вопросы политологии. Т. 8, № 5. С. 23–30.

Трушина М.А. 2018. Платон и необходимость визуализации // Вестник русской христианской гуманитарной академии. Т. 19, № 3. С. 24–30.

Фишер-Лихте Э. 2015. Эстетика перформативности / под общ. ред. Д.В. Трубочкина. Москва : Междунар. театр. агентство «Play&Play» : Канон+. 376 с.

Фуллер С. 2021. Постправда. Знание как борьба за власть. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 368 с.

Хейзинга Й. 1992. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. Москва : Прогресс : Прогресс-Академия. 460 с.

Чугров С.В. 2017. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. № 2. С. 42–59. DOI 10.17976/jpps/2017.02.04

Чумиков А.Н. 2024. Иррациональная взаимосвязь фактов и смыслов в современных медиа // Коммуникология. Т. 12, № 2. С. 13–24. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-2-13-24

Хабермас Ю. 2003. Философский дискурс о модерне. Москва : Весь Мир. 416 с.

Boje D.M. 2001. Carnavalesque resistance to global spectacle: A critical postmodern theory of public administration // Administrative Theory & Praxis. Vol. 23, № 3. P. 431–458. DOI 10.1080/10841806.2001.11643535

Goffman E. 1959. The Presentation of Self in Everyday Life. Edinburgh : University of Edinburgh : Social Science Research Centre. 162 p.

Jenkins H. 2007. The Wow Climax: Tracing the Emotional Impact of Popular Culture. New York : New York Univ. Press. VI, 285 p.

Lynch M. 2017. STS, symmetry and post-truth // Social Studies of Science. Vol. 47, № 4. P. 593–599. DOI 10.1177/0306312717720308

McIntyre L. 2018. Post-Truth. Cambridge, MA : MIT Press. 240 p.

Oswick C. et al. 2001. Dramatizing and organizing: Acting and being / C. Oswick, T. Keenoy, D. Grant // Journal of Organizational Change Management. Vol. 14, № 3. P. 218–224.

Schechner R., Brady S. (Eds.) 2002. Performance Studies: an Introduction / Ed. by R. Schechner, S. Brady. 4th ed. London ; New York : Routledge. 376 p.

Schulze G. 2005. Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. 2. Aufl. Frankfurt ; New York : Campus Verlag. 765 S.

Olga F. Rusakova

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Politics of Impressions: A Structural Discourse Analysis

Abstract. Although the politics of impressions is a relatively new concept in modern political science, its ideological origins can be found in the works of Plato and Machiavelli. In the article, the politics of impressions is understood as a system of discourse methods for constructing, interpreting and promoting images (pictures) of political

reality aimed at forming emotional and sensory ideas about political phenomena in the mass consciousness as determined by certain communicative attitudes. The analysis reveals a close relationship between the politics of impressions and the politics of post-truth and post-journalism. The structural discourse analysis of the politics of impressions presented in this work examines political performances on the examples of the 2024 Paris Olympics opening ceremony and President Donald Trump's address to the US Congress on 5 March 2025. The research is based on the author's developed model of structural discourse analysis of public communications, according to which the discourse of politics of impressions can be represented through the identification of the following plans: (1) intentional or scenario plan (communication project); (2) actual or performative plan (methods of implementing the communication project); (3) value plan (system of transmitted and instilled values); (4) contextual plan (extraction of new meanings of the performance through its immersion in various contexts); (5) psychological plan (analysis of manipulative techniques to enhance emotional contagion of the public); (6) "sedimentary" plan (responses from various media sources to the presented show-event). The structural plans of the discourse of the politics of impressions can be understood as representing a holistic, synergistically interconnected system of components. The comparative analysis of the discourses of the opening ceremony of the 2024 Olympic Games in Paris and the public address by Donald Trump to the US Congress in March 2025 highlights transformations in contemporary world political practice that are connected with an ongoing revision of basic ideological orientations of Western countries in the areas of cultural, educational, and sports policy.

Keywords: politics of impressions; structural discourse analysis; 2024 Olympics opening ceremony; US President's address to Congress; scenario design; value orientation; queer culture; gender diversity; ideology of wokeism